

В ТВОРЧЕСТВЕ М. Алексева находят свое отражение основные тенденции развития русской советской прозы. Заявив о себе в начале литературного пути как о писателе военной тематики и подтвердив это романом «Солдаты» и повестями «Наследники», «Дивизионка», «Автобиография моего блокнота», рассказами о войне и армии, Михаил Алексеев затем обращается к близкой ему с детства и потому хорошо знакомой деревенской теме. Роман «Вишневый омут», ставший поворотным этапом в творчестве писателя, повести «Хлеб — имя существительное», «Карюха», роман «Ивушка неплакучая» привлекают читателя своей правдивой, бесхитростной манерой изложения событий, происходивших в деревне в тридцатые годы и в годы войны, яркими, мастерски написанными картинами русской природы.

Главный редактор журнала «Москва», Михаил Алексеев уделяет много внимания развитию современной советской литературы, находится постоянно в курсе ее последних событий.

Может быть, поэтому беседа наша началась с традиционного для «Клуба книголюбов» вопроса:

— Михаил Николаевич, вы, как главный редактор журнала, являетесь в какой-то мере вершителем литературных судеб, а повлиять ли каким-либо образом литература, книга на вашу собственную писательскую судьбу?

— В юности я о писателях имел представление, как, наверное, и многие другие люди крестьянского происхождения, несколько наивное и, конечно же, ложное. Мне казалось, что книги пишут люди необыкновенные, люди не от мира сего, что у такого человека должна и голова быть больше нормальной, и роста он великанского. Для меня Пушкин, Толстой, Лермонтов, Тургенев были не люди, а какие-то божества. Шуточное ли дело — книги пишут!

Но вот как-то в руки мои попала книга, которая меня потрясла не содержанием поначалу, а именем автора — Алексеев, да к тому же и Михаил. А был такой писатель в двадцатых годах. Попалась мне его книжка под названием «Большевики», потом я раскопал другую — «Год восемнадцатый», и вот тогда-то что-то у меня на душе ворохнулось. Оказывается, можно писать книги, имея такую обыкновенную фамилию и обыкновенное имя.

Я даже в пятнадцать лет попытался написать роман о крестьянской жизни и назвал его «Крестьяне». Но сами понимаете, что ничего путного из этого выйти не могло. Лет было мало, житейского опыта — и того меньше, и знаний никаких почти. И вот только когда поучился и посмотрел на белый свет, когда прошел по существу три войны — Халхин-Гол, финскую и всю Великую Отечественную, старое стремление попробовать себя в литературе снова возродилось.

Я благодарен своей судьбе за то, что она не избрала для меня легких путей. Сиrotское детство, раннее приобщение к крестьянскому труду — с шести лет я уже бороздил, а чуть позже и пахал землю. Казалось бы, сеять хлеб — занятие далекое от литературы, а на самом деле это, быть может, самый поэтический труд. Если где-то от природы пробудилась, проснулась жилка литературная, то, соединенная с этим трудовым опытом, она и даст настоящую книгу.

Бывают люди, которые приходят в литературу как бы из самой литературы. Они окончили благополучно школу, потом получили высшее образование. Это, как правило, люди начитанные, они о литературе знают все. И вот из этой самой «литературы» они входят в литературу, что-то по молодости сочиняют автобиографическое. Их произведения могут быть яркими, броскими, как было, скажем, десятка полтора лет назад. Я не буду называть имена этих авторов, но сколько о них было шуму и грому! Они буквально вторглись в литературу. А потом что-то эти имена приугасили, и голоса затихли. Зато из Сибири, с юга, с севера, из глубин страны, несколько с опозданием, может быть, но зато твердой, решительной по-

Михаил АЛЕКСЕЕВ:

Я БЛАГОДАРЕН СВОЕЙ СУДЬБЕ

ступью вошла в литературу глубокая смена. Я имею в виду писателей моего поколения, таких, скажем, как фронтовики Ю. Бондарев, Г. Баклаков, В. Астафьев, И. Стаднюк, Е. Носов и позднейшая генерация — А. Иванов, П. Проскурин, В. Распутин, В. Уханов, В. Лихоносов, многие другие. Они пришли от земли, от труда, опираясь на огромный житейский опыт. Так входят в литературу настоящие писатели.

— В чем, по вашему мнению, причина того, что у нас мало ярких произведений, рассказывающих о рабочем классе, интеллигенции, о городской жизни?

— Я вообще считаю, что писать о рабочем классе, о городе труднее. Труднее потому, что нам, пишущим о деревне, помогает еще и сама природа. Она дает больше красок художнику, становясь сама действующим лицом. Тут тебе и птицы, и зверюшки, и деревья, и речки — все это шумит, журчит в помощь человеческому сердцу. Трудно заставить, скажем, станок или цех железобетонный участвовать в повествовании столь же поэтически. Тут надо быть очень большим художником, скажем, как В. Кочетов в его «Журбинских», и тогда у него все одушевлено, все оживло.

Но я думаю, что были у нас удачные произведения о городе и раньше, да и сейчас, наверное, можно было бы найти несколько интересных вещей. Скажем, бондаревскую «Тишину» не назовешь только военным произведением. Скорее всего это сложный психологический роман о трудных наших годах как в городе, так и в деревне.

Потом я не делил бы нашу литературу, как это у нас часто делается, на военную, крестьянскую, рабочую. Литература имеет прежде всего дело с человеком, она исследует душу его.

— И все же у каждого писателя есть любимая тема. Вы, например, не раз говорили, что одинаково привержены и военной, и деревенской тематике. Что для вас сближает одну с другой и что побудило вас после ряда произведений о войне и армии обратиться к сугубо мирной теме?

— Помните у Некрасова «Где бы сеятель твой и хранитель... Где бы русский мужик не стонал...» — еще в детстве натолкнулся я сердцем на жгучие эти строки.

Сеятель и хранитель — так Некрасов окрестил крестьянина. В дни мира крестьянин пахал землю, сеял хлеб, как ему и полагается, а когда надвигалась военная опасность, она отворачивалась тем же самым мужиком, который, образно говоря, менял орало на меч и становился воином.

По сути, ведь то же самое было и в Великую Отечественную войну. Процентом семьдесят, не меньше, ее солдат и офицеров были выходцами из крестьян. Вот мои герои — сеятели и хранители. Если присмотреться к моим военным вещам, например, «Солдатам», то нетрудно убедиться, что там действуют те же крестьяне, только облаченные в военную форму. И когда кончилась война и оставшиеся в живых мои герои вернулись к привычному своему крестьянскому труду, то вместе с ними вроде бы вернулись и я. Хлебопашец и воин, наверное, останутся до конца моих дней моими героями. Вот, скажем, сейчас меня уже напрочно причислили к писателям, разрабатывающим так называемую «деревенскую тему» по причине выхода нескольких моих последних вещей, а что скажут, если через два-три года появится роман о Сталинградской битве?

— За последние годы наша литература обогатилась значительными, широкомащтабными произведениями о Великой Отечественной войне. Каким вам

видится следующий этап в развитии советского военного романа?

— Мне кажется, что следующим этапом должен стать психологический разрез этой войны. Девятого мая 1945 года можно было определить победителя только в чисто военном смысле. А в социально-политическом, экономическом, психологическом, нравственном победителя можно определить только спустя десятки лет. Им становится не тот, кто раньше восстановит города, предприятия, а тот, кто раньше залечит душевные раны, нанесенные войной, кто раньше соединит разорванные человеческие связи. И в этом смысле мы, конечно, оказались победителями. Это можно, спустя тридцать пять лет со дня Победы, говорить твердо.

Сейчас я, например, жду романа — народной эпопеи. Где он, победитель, созрел, когда же? Мне кажется, что нужен «синтетический» военный роман, который должен начинаться раньше войны, может быть, за десятки лет.

Вероятно, поэтому я и задержался со сталинградским романом. Когда я сосредоточился только на военной стороне этой битвы, ограниченной сорок вторым — сорок третьим годом, то почувствовал, что мне этого мало, потому что герои-то пришли под сталинградские стены каждый со своей судьбой. Как они выдержали натиск и в конце концов победили? Значит, надо исследовать вот это накопление в душе советского человека огромного потенциала сопротивляемости жестокостям войны. А если мы будем только писать о том, как Сталин трубку курил, как он расхаживал по своему кабинету в мягких сапогах, изредка бросая реплики, или как Жуков строгость свою проявлял, — этого уже очень недостаточно.

Надо писать правду, хотя у правды много оттенков. Вот мы с вами можем посмотреть на эту лампу, отвернуться потом и рассказывать о ней. И будут две разные лампы потому, что природа из четырех миллиардов человеческих существ в двух даже не повторялась. Вот какой она художник!

— Современная деревня претерпевает глубокие изменения не только в экономическом плане, но и в области человеческих отношений, жизненного уклада. С одной стороны, продолжается активная индустриализация сельского хозяйства, с другой — деревенские жители, особенно молодые, не менее активно покидают родные места. Разделяете ли вы тревогу, прозвучавшую в выступлениях в печати некоторых ваших коллег, по поводу опасностей, которые несет селу индустриализация?

— Я не думаю, что надо драматизировать сам этот факт. Известно, что в развитых капиталистических странах в деревне осталось по шести, даже по пяти процентов населения. Но эти страны продолжают экспортировать продукты сельского хозяйства в изобилии. Процесс индустриализации сельского хозяйства продолжается интенсивно и у нас. Я знаю, что, скажем, на Украине, где утечка из деревни меньше, чем в российских обла-

стях, уже сталкиваются с проблемой — куда деть рабочие руки.

Встретился я недавно с одним своим земляком, молодым трактористом. Парень только что вернулся из армии и собрался уезжать в Саратов. Я спросил, почему? Он мне ответил: «У меня десять классов образования. Если я пойду в город, то пусть буду поначалу там слесарем самой низкой категории, но если я не дурак, то буду учиться, окончу вечерний техникум и со временем стану мастером, а может быть, и начальником цеха».

Мы слова «карьера» боимся, оно носит у нас какой-то отрицательный оттенок. Но нельзя же забывать, что человеку, если он нормальный, свойственно стремление расти. Сколько бы мы ни заклинали, что работать на земле рядовым, — это высшая должность, но это все-таки заклинанье.

Теперь смотрите — все эти заклинатели, которые испугались надвинувшейся индустрии на ниву сельскую, я имею в виду нашего брата писателя, они почему-то рано или поздно, но все перенеслись в город, в квартиры со всеми, как говорится, коммунальными услугами. И отсюда уже, сидючи в светлой квартире, отапливаемой газом или электричеством, они оплакивают исчезновение курной избенки, баньки с веничком, криницы, от которой женщина тащит на воспетом всеми поэтами коромысле ведра воды и угущает какого-нибудь встречного парня.

Все это теоретически хорошо и красиво. Но ведь это был труд каторжный, особенно зимой, когда, согнувшись в три погибели, женщины носили воду от реки на гору.

Как раз за дары цивилизации деревенский человек крепко ухватился. Однако тут немало противоречий и неожиданностей. В большинстве наших селений появились не просто клубы, а дворцы, которым бы позавидовал иной город, в каждом доме стоят телевизор, холодильники, стиральные машины. Казалось бы, чего еще? Зарабатывают люди в селе больше подчас, чем в городе, живут они сильнее. В некоторых областях, я бы сказал даже, они зарабатывают больше, чем нужно, сообразуясь, так сказать, с разумом. И это рождает проблему. Появляется некая преиссыщенность.

Голодного человека можно в конце концов накормить, и тем решить проблему, раздетого можно одеть, разутого — обути. С пресыщенным ничего не сделаешь. Мы можем просто потерять человека. Ведь сейчас какой-нибудь двенадцати-тринадцатилетний мальчишка повозится на ферме, и у него в кармане пятерка, даже больше, чем на целую бутылку. Однако дома все есть. Денег, еды — сколько угодно. Что он? Ему хочется скорее быть взрослым. Он покупает эту бутылку и с товарищами ее распивает. Это беда.

Хотя я не за курную избенку, не за баньку, но считаю, что человек, живущий на земле, должен быть поближе к ней не только через посредство железа, техники, но ближе душой своей. Поэтому у деревенского жителя должны быть и своя корова, и свои свиньи, и своя птица — он должен быть приобщен к делу, каких бы мы высот индустриализации ни достигли.

У человека должны быть корни. Если он общается с землей только через гусеницы трактора, то он ее не очень ощущает. У каждого из нас должен быть на этом огромном пространстве нашей страны маленький кусочек земли, который нам и роднее, и ближе, и дороже всего, как для меня, скажем, село Монастырское.

Беседу вел С. ЧУГАЕВ.